

FEBRUARYKR

ТОМ 1

ПОТЕРЯВШИЙ
СОЛНЦЕ

НОВЕЛЛА

МИОО

Вся эта длинная история никогда не обрела бы голос
без участия близких мне людей

Благодарю:

Катю Мурыгину – за веру, заботу
и поддержку самых бредовых идей;

Яра Зарина – за вклад в сюжет
и подработку жилеткой для нытья;

Катю Овчинникову – за критический взгляд
на все, что я делаю;

Юлю Малясову – за первые комментарии
и правки;

Ланье – за поддержку
в самые трудные дни

Red Violet. Магия Азии

FEBRUARYKR

ТОМ 1

ПОТЕРЯВШИЙ
СОЛНЦЕ

Москва
МИФ
2025

УДК821.161.1-312.9
ББК84(2Рос)6-445.1
Ф31

FebruaryKг

Ф31 Потерявший солнце. Том 1 / FebruaryKг. — Москва : МИФ, 2025. — 480 с. : ил. — (Red Violet. Магия Азии).

ISBN 978-5-00214-860-8

Император вместе со старшими сыновьями погибает в огне восстания. Власть переходит в руки доброжелательного и мягкого юноши, ребенка давно погибшей наложницы.

Юноши, который изо всех сил старается не стать похожим на отца-императора и сберечь младшего брата, совсем еще ребенка.

Юноши, который со временем развяжет страшную и ненужную войну, в горнило которой отправит младшего.

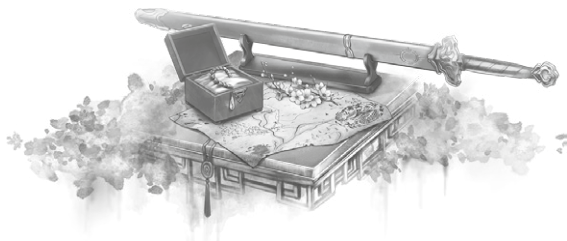
Только может ли он представить, каким вернется повзрослевший брат и на что будет способен?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.1

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00214-860-8

© FebruaryKг, 2025
© Оформление. ООО «Манн,
Иванов и Фербер», 2025

ГЛАВА I

Выжженные пески золотым полотном тянулись до самого горизонта, сливаясь с бесконечным бесцветным небом. Пустыня огромна, и в ней не найти дорог. Отвернись на секунду, и ветер заметет твои следы; спустя время песчаный саван накроет и тебя, отбившегося от человеческой стаи. Перед лицом такой древней и безучастной силы даже самый смелый человек ощутит себя ничтожным. Чего стоят все его страхи, стремления и мечты рядом с тысячелетним волнением моря, бесконечным шелестом песка или немым величием гор?

Редкими пятнами зелени по пескам расползлись оазисы. Их разделяли огромные расстояния в несколько суток пути без возможности укрыться в тени или добыть хоть глоток воды. Еще реже на горизонте появлялись города, их стены были красновато-ржавыми, а нечеткие силуэты плыли от жара. Постройки были древними, но прочности до сих пор не потеряли. Песчаные бури царапали камни, но не могли ни кусочка выбить из плотной кладки.

В самые жаркие дни среди барханов появлялось блеклое зеркало озера и мерцало призывно, отражая солнечные лучи. Воины давно уже не бросались к призрачному блеску: стоило подойти ближе — и мираж рассеивался, оставляя только раскаленный добела песок да редкие колючки почерневшей от жара травы. Озеро это осталось у самой границы.

Но все это море песка вместе с городами, людьми и пыльными бурями было всего лишь пятнышком на карте. Крошечным,

с ноготь, обведенным четкой чернильной линией. Войско пролитой тушью расплзлось все дальше и дальше, стирая границы, поглощая стройные линии символов и белизну бумаги.

Огромная армия шаг за шагом продвигалась в самые глубины песков.

Колонна ящеров не похожа на стройные ряды быстроногих лошадей. Массивные звери с крупными когтистыми лапами шли неспешно, волнообразно извиваясь всем телом. Тусклая тяжелая чешуя плотным панцирем защищала тела что от вражеских стрел и мечей, что от безумного солнечного света. Золотистой дымкой висел песок, поднятый в воздух тысячами лап. Кони погибли бы здесь спустя двое суток: у людей не было для них ни воды, ни пригодной пищи, да и тонкие ноги скакунов увязли бы в раскаленной бездне, обрекая животных на медленную и страшную смерть.

Одежды всадников и легкие пластинчатые доспехи сплошь покрывал тонкий налет песчаной пыли, от которой невозможно было избавиться. Люди обматывали головы тонкими платками, скрывающими лицо; видны были только покрасневшие воспаленные глаза. Тонкую кожу век исхлестало, исцарапало ветром и пылью, руки покрылись сотнями тонких трещин. Сквозь повреждения сочилась кровь, оставляя бурые следы на потемневшей упряжи, но через несколько мгновений они высыхали и осыпались вниз легкой пылью.

Ничто не может быть долговечным в этом месте, кроме песков и солнца. Любая жизнь — очередной мираж, иллюзия.

Два ящера шли впереди строя, прокладывая путь. Один зверь был светлым и крупным, с шишковатой головой и высоким шейным гребнем, другой намного меньше и темнее. Они двигались слаженно и не задевали друг друга, приноровившись за несколько лет походов.

Крупным зверем управлял широкоплечий мужчина. Он держался очень прямо, но немного небрежно, словно стараясь произвести впечатление. Узкие, вытянутые к вискам глаза приковывали

внимание янтарным оттенком; на солнце прозрачная радужка наполнялась золотистыми всполохами. Слишком светлые для исконного жителя Лойцзы, они выдавали нечистую кровь. Несколько выбившихся из-под шарфа вьющихся прядей выгорели и под слоем пыли казались поседевшими.

На меньшем ящере ехал изящный, похожий на подростка человек. Невысокий, с узкими запястьями и хрупкими пальцами, он держался в седле так, словно в нем и родился. В больших угольно-черных глазах солнечный свет тонул, как в глубочайшей бездне, даже зрачка было не разглядеть. Выгнутые брови придавали лицу выражение наивности и легкой беспомощности, однако этим нежным образом давно никто не обманывался.

Только не здесь, не среди песков, где опытные воины ловили каждый его жест.

Этому хрупкому юноше с пальцами музыканта оставался всего год до тридцатилетия, и уже десять лет он управляет войском, только вот последние три — исподволь, из тени. Ши Мин, бывший главнокомандующий и маршал, ныне сохранил лишь титул маршала да право отвечать за войско перед императором и министрами.

Прежний император наградил его хлопотным званием главнокомандующего в девятнадцать. Очередное свержение власти провалилось с таким громким треском, что потянуло за собой десятки древних родов вплоть до самых юных наследников. Долгое время смирявший свою гордыню император разом лишился терпения и вырезал всех, кто причастен был к заговору, не делая разницы между настоящими заговорщиками и скучающей знатью, отсыпавшей пару монет на неблагое дело. Множество ветвей некогда могучего дерева высохли и рухнули, цепляясь друг за друга; дворец опустел без половины министров, а родовые имения пришли в запустение. Последствия своего поступка император ощутил весьма скоро, когда оставшиеся служащие захлебнулись в мутном потоке дел и забот.

Пришлось спешно изыскивать новых министров и служащих, среди которых не было предателей, да только и выдающихся не было тоже: самые образованные, смелые и мудрые уже отправились к предкам. Бывший главнокомандующий после многочисленных обвинений и мучений был разжалован и сослан в глухой монастырь, а титул швырнули в лицо хрупкого юноши с горящими глазами, чье семейное древо не имело темных пятен: род угас, не успев ничем навредить императору, а отец назначенного и сам когда-то возглавлял армию.

После награждения титулом Ши Мин метался по стране долгие два года, пытаясь сдержать вспыхивающие беспорядки. С лошади пересаживался на ящера, оттуда в лодку, а после едва держался в седле осла, пока флегматичное животное с философским спокойствием возносило всадника в горы по узкой тропинке. Преступники и противники императорской власти поднимали головы по всей стране, от побережья до подножия гор, почуяв запах крови и перемен. Юнца, до сих пор не заработавшего себе громкого имени, никто не опасался.

Иногда Ши Мину казалось, что все прорехи в спокойной жизни своей империи он зашивал собственными же нервами. Поколение за поколением в семье Ши воспитывалась преданность делу и императору, воинская доблесть была важнее счастья, а общее — дороже личного. У рано осиротевшего юноши был только один путь, проложенный предками, и он принял этот путь без сомнений: он жизни не мыслил без воинского дела. Ему пришлось шаг за шагом учиться на собственных ошибках, и только внутреннее чутье позволяло отделять верное от неверного.

Спустя несколько лет старого императора не стало. Удерживать власть вообще работа опасная — оглянуться не успеешь, а смерть уже взойшла на порог и тянет костлявые руки прямо к горлу. Вместе с правителем в мир иной отошли и оба его старших сына-наследника. Императором стал третий сын, пусть и признанный отцом, но все-таки рожденный от наложницы. Нечистый по крови

ребенок, которому в былые времена не позволили бы даже стоять у трона; во всем этом люди усматривали дурной знак, но страна слишком устала от внутренних ран, чтобы подняться против. Короткая вспышка народного недовольства быстро захлебнулась.

Ши Мина вызвали ко двору сразу по возвращении в Цзытун. Вызвали, чтобы обеспечить головную боль на несколько лет вперед.

Рядом с новым императором стоял мальчик.

Стоял и смотрел исподлобья, как пойманный в клетку зверь. Узкие, приподнятые к вискам глаза тлели янтарным огнем. Что бровями, что подбородком убивать можно — настолько остры. Двенадцать лет, совсем ребенок. Ребенок, составленный целиком из острых углов и глухого недовольства под слоем внешнего безразличия.

«Храни вас боги от таких детей», — подумал Ши Мин тогда, слглатывая вязкую слюну вовсе не от волнения перед ласковым ликом императора.

Юкай — четвертый и последний сын династии; ребенок, которого стоило спрятать так надежно и далеко, как только возможно. Спрятать и защитить — слишком ценной фигурой в одночасье стал юный наследник. Через него можно было влиять на нынешнего императора, который в младшем брате души не чаял, а еще — забрать и вырастить послушную куклу, посадить на трон и никогда больше не знать нищеты, дергая из тени за веревочки.

Презрев все писанные и неписанные законы, император присвоил брату титул наследного принца, младшего Дракона. Прекословить ему не посмели: пока у Ду Цзыяна не было детей, такой ход показался не только разумным, но и дальновидным.

Братья были совсем не похожи. Изящный тонкокостный старший с лицом мягким и учтивым смотрел на мир ласковым взглядом и улыбался много и охотно. Он никак не выглядел коварным тираном, устранившим всех конкурентов на престол. Невозможно. Случайность.

Младший напоминал грубо выкованный кинжал. Несбалансированный вес рукояти и лезвия, непредсказуемая и опасная игрушка. Никогда заранее не знаешь, пронзит ли он плоть противника или оставит без пальцев владельца, вывернувшись из рук. Вытянутое лицо не несло на себе никаких отпечатков эмоций, длинные глаза казались пустыми, но это скрывали пушистые ресницы. Взгляд он не отводил, но одновременно будто смотрел мимо: ни капли почтительности, опасения или страха, только недоброе внимание привыкшего таиться зверька.

В планы Ши Мина совершенно не вписывалось обзаводиться ребенком, но никакие планы не имеют значения перед лицом правителя. Есть только долг, который превыше всего.

Год длилась тихая война. Юкай слушал, но не слышал, пропуская слова мимо ушей. В те редкие моменты, когда наставнику удавалось привлечь его внимание, смотрел так, что внутри все переворачивалось. В то время Ши Мин приучился даже в собственном доме спать с ножом под подушкой. Титул наставника звучал от ребенка как плевок или ком грязи в лицо. В Юкае не было того высокомерия, которое присуще юным отпрыскам правящих семей, зато было нежелание подпускать кого-то ближе, чем на расстояние вытянутой руки. Однажды он выдвинул условие, которое Ши Мин соблюдал вот уже который год. Против всех правил и законов юный наследник рода Ду запретил упоминать свою фамилию, и окружающие вынуждены были называть его крайне непочтительно — по одному только имени.

Волчонок — что тогда, в двенадцать, что сейчас, в семнадцать. Вырос, а глаза остались прежними: два осколка сердолика на ярком свету. Отца, почившего императора, он презирал и презрения своего не скрывал, отказавшись даже вслух фамилию его произносить. Для посторонних людей он оставался шкапушкой с секретом, запертой на десяток ключей. Его недовольство или раздражение выражалось в едва заметных переменах, пряталось в тенях длинных ресниц, не выскальзывая наружу.

Плотная пелена отстраненности слетала с него только в присутствии брата, обнажая ворох спутанных эмоций.

Впрочем, понять своего воспитанника Ши Мин и не пытался. Зачем лезть в глубину, если подросток был всего лишь временно передан на воспитание? Его задачей было наладить ровные отношения, не ближе и не дальше, чем того требовала ситуация, но привязываться, считать нежданного ученика то ли сыном, то ли братом? Все это совершенно ни к чему.

Слишком близкие отношения — излишество для человека, которого всю жизнь носит как сорванный лист по ветру. Да и привязанность к особам правящего рода была бы неуместна. После каждой смены императора преданные и надежные часто первыми теряли головы.

Мало кому нужны чужие слуги.

Однако Ши Мин и сам никогда не признался бы, насколько изменило его появление ребенка. Необходимость заботиться кого угодно изменит, как и годы, проведенные бок о бок. Человек всегда остается человеком, он вынужден гнаться всю жизнь за прозрачной мечтой обрести тепло, стать важным для кого-то, пусть и ненадолго.

Ребенок давно перерос Ши Мина на голову и вширь перерос, не разобрать сразу насколько: на его плече сидеть можно, и место еще останется; кривая улыбка, недобрый тяжелый взгляд, под которым невольно ощущаешь собственное бессилие, да небрежное равнодушие на самом доньшке глаз. Императорский двор и не знает, как ему повезло, что этот слишком быстро выросший юноша до сих пор там не задерживался. Как воспитатель, Ши Мин со смирением принял собственный провал, так как ничего хорошего ученик от него не перенял, зато все плохие качества не только впитал, но и увеличил вдвое. Если Ши Мин с годами научился скрывать истинное отношение к людям, то ученик его переиграл, даже не вступая в соревнование, — отбросив все правила этикета, он невозмутимо презирал всех и каждого.

Только один человек имел значение и влияние на Юкаю — старший брат. И вовсе не потому, что он император.

Преданность младшего потомка династии немного пугала. При виде брата настороженный волчонок мигом превращался в неуклюжую лохматую собаку с мягкими ушами. Светло-янтарные глаза загорались теплым светом, будто за темными зрачками запалили свечу. С детства окруженный только немногочисленными слугами, которым и дела не было до угрюмого ребенка, Юкай так и не выучился подпускать к себе кого-то, помимо Ду Цзыяна. Наблюдать за двумя братьями всегда было немного неловко, будто подсматриваешь в щель за чем-то личным, сокрытым глубоко.

Юкаю было всего пятнадцать, когда император сделал его главнокомандующим. Вытолкнул под настороженные взгляды тысяч глаз, словно бумажную куклу впереди шествия. Во время принесения клятвы у Ши Мина волосы на шее дыбом приподнимались от предчувствия беды и бессильной злости. Ему было девятнадцать во время получения титула, и он был слишком юн, непозволительно юн — не должен человек в девятнадцать командовать армией! — но Юкаю всего пятнадцать!..

Ши Мин занял место за левым плечом юноши, словно так и должно было быть. Младший отпрыск династии был провозглашен гением тактики, мужественным и самоотверженным, словно солнечный бог-покровитель Фэй Синь. Армией же продолжал управлять Ши Мин, надежно укрытый в густой тени ошарашенного таким поворотом юноши.

Последствия этого поступка было тяжело предугадать заранее. С одной стороны, юноша вышел из тени на свет, и теперь его знали не только как брата императора. Подобраться к нему под взглядами тысяч глаз было куда сложнее. С другой стороны — теперь о нем знали все.

Может, прятать на самом видном месте и было неплохой тактикой, но временами Ши Мин ощущал себя тоненькой шелковой

ширмой перед лицом урагана. Как тут укрыть юного главнокомандующего, если дует сразу со всех сторон?

Со своим неуживчивым характером Юкай особой славой в войсках не снискал бы, но оказалось, что талантами он все-таки не обделен. Первый испуг и обида на брата прошли, кровь и привязанность взяли свое. Раз брат поручил такое большое и сложное дело, значит, во всем этом есть какой-то смысл...

Сначала Юкай бесцеремонно влез в устоявшуюся систему снабжения, перекроив ее заново, после начал всерьез изучать тактику. Его новшества наталкивались на глухое, но отчаянное сопротивление, а вот сам юный наследник с самого детства встречался только с равнодушием да отвращением. Куда там военным чинам до невыносимой, удушающей тяжести интриг императорского гарема, в стенах которого рос Юкай! Сопротивление было попросту не замечено и проигнорировано, Ши Мин юноше явно благоволит, и ропот понемногу стих.

Успехи ученика, его молчаливое, сосредоточенное упрямство, его так и не позабытые юношеские привычки, старый кинжал в ножнах, который он однажды украл прямо из-под подушки Ши Мина, — все эти мелочи копились внутри, грозя развалить старательно выстроенную стену.

Можно было обманывать других, но к чему обманывать себя?

Кроме так неожиданно повзрослевшего ребенка, у Ши Мина больше никого не было.

